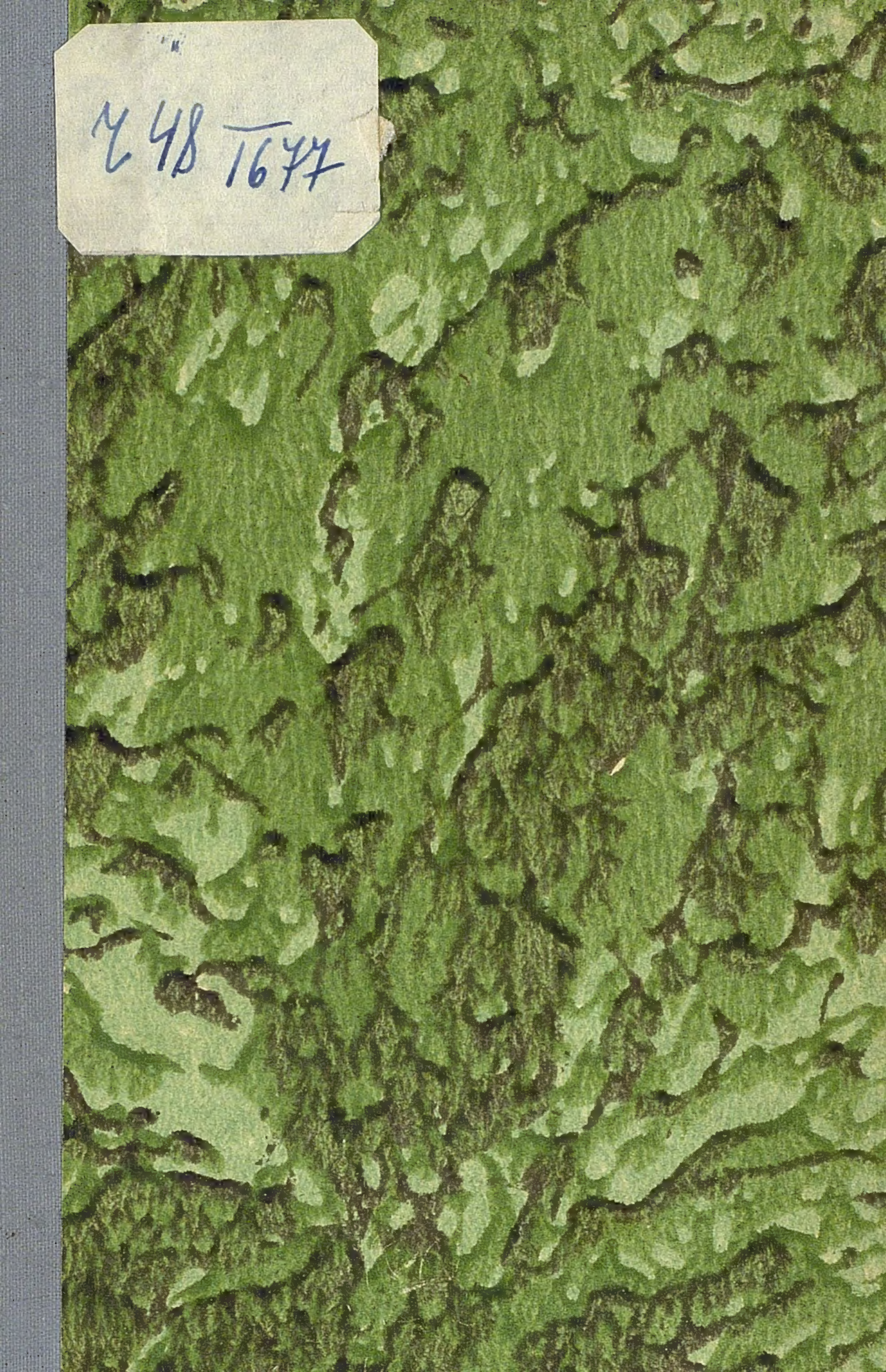
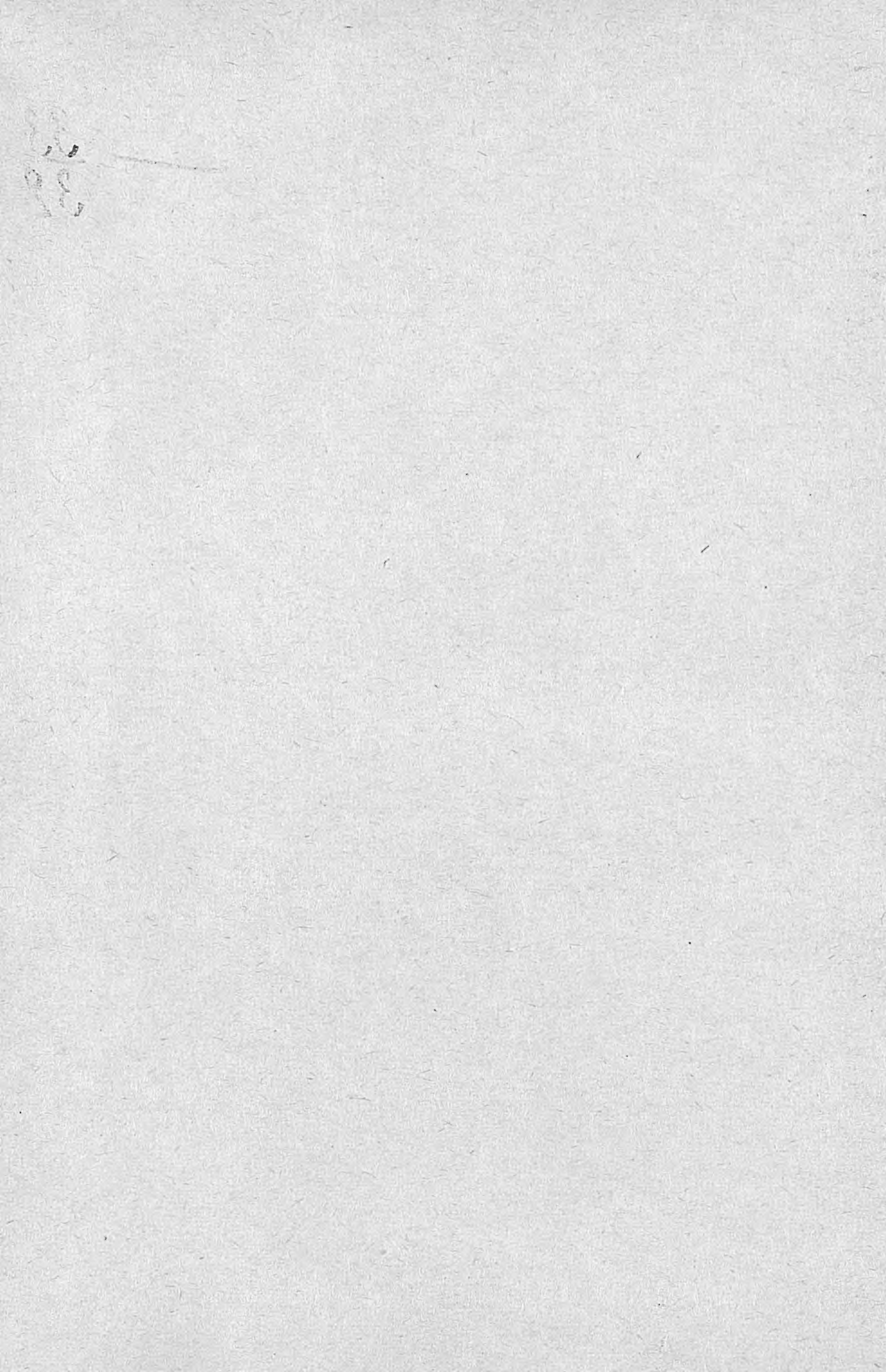

2 48 1677

№ 4.

Цѣна 5 коп.

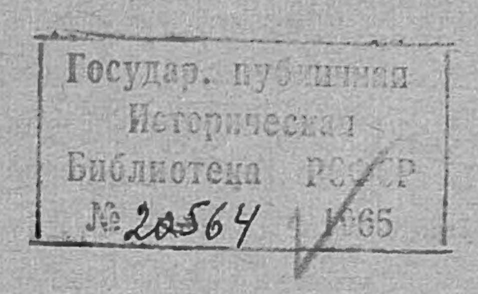
Народная Бесѣда.

Иванъ Сѣрыхъ.

Что прежде всего нужно крестьянамъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Иванъ Сѣрыхъ.

Что прежде всего нужно крестьянамъ.

Теперь кого ни спроси, всякій скажетъ, что „дальше такъ жить нельзя". И потому такъ скажетъ, что уже каждый понимаетъ, что народъ нашъ разоренъ до последней степени, всѣ дѣла въ государствѣ доведены до крайняго разстройства, что Россія стоитъ на краю гибели. Довели ее до этого порядки, установленные чиновниками, чиновниками они и держатся.

Всякій также знаетъ и долженъ сказать, что всего труднѣе, всего тяжеле у насъ жить крестьянамъ: „надо бы хуже, говорятъ они сами о себѣ, да некуда"... И, дѣйствительно, некуда! Народъ вовсе обнищалъ. Про иного въ деревнѣ и сказать трудно, какъ онъ еще живетъ. Хозяйство его пришло въ окончательный упадокъ: ни у него хлѣба своего, ни у него лошади — ничего нѣтъ, все надо купить, за все нужно платить, а платить не изъ чего, потому—въ деревнѣ, особенно зимою, какіе же заработки, а тутъ подати требуютъ, священнику отдай, страховые внеси, да земскія, а тамъ и еще что-нибудь окажется, — хоть ложись, да помирай! И бьется такъ человѣкъ не день, не два и не годъ, а всю жизнь, и чѣмъ дольше время идетъ, тѣмъ ему все

труднѣе и труднѣе. Смотришь на такого и никакъ не можешь понять, чѣмъ онъ живетъ, и какъ еще умудряетъ его Господь самому не умереть съ голоду и не переморитъ своихъ ребятишекъ! И много по деревнямъ такого-то народу: въ иной деревнѣ такихъ половина, а въ другой—и того больше. Какъ же тутъ жить?

Крестьяне давно знаютъ свою нужду и понимаютъ, что такъ жить невозможно, что нуженъ новый порядокъ, при которомъ не мучился бы человѣкъ, не пропадалъ бы съ голоду, а могъ бы жить, какъ всякому человѣку жить слѣдуетъ. Начали замѣчать мужицкую нужду да горе и другіе, со стороны, и тоже понимать, что если такъ будетъ продолжаться, то простой народъ вовсе ослабнетъ, а ослабнетъ народъ, погибнетъ и вся Россія, потому что всякое государство только трудовымъ, рабочимъ народомъ и держится, только въ трудовомъ народѣ и вся его сила. Какъ начали это понимать, вездѣ—и въ газетахъ, и въ книгахъ и даже между собою заговорили, что чиновники губятъ Россію, что требуются другіе порядки,—и пошелъ по всей Россіи говоръ да шумъ, вездѣ всѣ зашевелились — и въ городѣ, и въ деревнѣ.

Всѣ говорятъ, что нужно все устроить по новому, а какъ устроить—про это разно толкуютъ, одни—то, другіе—иное. Когда-нибудь я разскажу, кто и какъ толкуетъ, и почему толкуетъ такъ, а не иначе, а теперь посмотримъ, почему у насъ крестьянинъ бѣденъ, почему онъ почти никогда изъ голодухи не выходитъ, и что нужно прежде всего сдѣлать, чтобы народъ былъ и сытъ, и одѣтъ.

Если бы спросить крестьянъ, какая главная причина ихъ худого житья, то изъ десяти человѣкъ де-

вять навѣрное скажутъ, что этихъ главныхъ причинъ не одна, а три, и первая изъ нихъ та, что у мужика земли мало, либо ея совсѣмъ нѣтъ, и не къ чему приложить ему своихъ рукъ. Вторая причина—придавили народъ податями: сколько бы онъ ни работалъ, изъ недоимки ему все равно не выбиться. Наконецъ, третья причина въ томъ, что очень уже много у мужика всякаго начальства, которое имъ командуетъ, и до того докомандовали, что онъ уже и не знаетъ, кого ему и слушать: и тотъ приказываетъ, и другой распоряжается, и третій требуетъ; одинъ его въ холодную садитъ, другой штрафомъ донимаетъ, а иной норовитъ въ зубы, либо, сказать прямо, шкуру ему спускаетъ, — мужикъ очумѣлъ совсѣмъ отъ начальства, отъ котораго ни въ чемъ ему свободы нѣтъ, безъ начальническаго разрѣшенія онъ и шагу ступить не смѣетъ. И трудно сказать, какая изъ этихъ трехъ причинъ самая главная, вѣрно только то, что покуда хоть одна изъ нихъ останется, до тѣхъ поръ мужику на ноги не стать, изъ бѣдности да голодухи ему не выйти.

Это-то все, пожалуй, и всякій крестьянинъ понимаетъ, а вотъ почему такъ случилось, что у нихъ земли мало, а хорошей и вовсе нѣтъ, отчего имъ такъ много приходится платить въ казну, зачѣмъ начальство разное ихъ своими приказами по рукамъ, по ногамъ опутало, — про это знаютъ очень немногіе изъ крестьянъ. Въ этомъ то, по нашему мнѣнію, главное горе русскаго народа, потому что нѣтъ страшнѣе той бѣды, которой человѣкъ не понимаетъ, къ которой не знаетъ, откуда и какъ подойти.

Нѣкоторые такъ разсуждаютъ: въ той или другой деревнѣ земли въ надѣлѣ мало, и это вышло случайно,

потому что тамъ былъ помѣщикъ недобросовѣстный, либо землемѣръ мошенникъ, которые и изобидѣли крестьянъ, отведя надѣлъ не по закону. Вотъ, думаютъ, если бы можно было снова перемѣрить земли, какъ по закону требуется, смотришь, у крестьянъ и оказалось бы землицы побольше, а у помѣщика—поменьше. Думаютъ такъ нѣкоторые крестьяне и ждутъ подходящаго случая, чтобы тяжбу съ помѣщикомъ начать, и судятся съ нимъ, требуютъ, чтобы допущенный обманъ исправили бы, чтобы все снова было сдѣлано по закону, какъ, значитъ, требуетъ законъ, добросовѣстно, безъ утайки и обмана.

Вотъ тутъ-то и ошибаются тѣ, кто такъ разсуждаетъ. Словъ нѣтъ, прежде чего не бывало, бывали и обманы, и мошенничества, были и дѣйствительно такіе землемѣры, что руку помѣщиковъ держали, работали лукаво и крестьянъ изобидѣли при отводѣ надѣла. Только дѣло-то все-таки не въ этомъ. Если бы вся-то мужицкая бѣда въ этомъ только и заключалась, такъ ее и исправить было бы легко. Но въ томъ то и горе народное, что это не такъ, въ томъ то и горе его, что обыкновенно при отводѣ надѣловъ все дѣлалось такъ, какъ того и требовалъ законъ. Землю отводили по закону, только законъ то этотъ былъ такой, что вмѣстѣ съ надѣломъ на мужицкую шею точно петлю накидывали, изъ которой ему никакъ не вырваться, какъ ни бейся онъ, вотъ какъ птица, что въ силокъ попадетъ: чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣе петля затягивается, если не оборвется, но силки дѣлаютъ крѣпкіе, крѣпкіе и законы пишутъ...

Все-таки, какъ же могло случиться, что былъ составленъ такой законъ, изъ-за котораго крестьяне ни-

какъ не могутъ выйти изъ нищеты? И что это за законъ, когда и по какому случаю онъ появился?

Законъ этотъ тотъ самый, которымъ крестьяне отпускались „на волю“, которымъ они освобождались отъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, это законъ 19 февраля 1861 года. Теперь празднуетъ вся Россія этотъ день, какъ первый день на Руси, когда простому народу было дозволено начальствомъ хоть разъ вздохнуть свободно.

Освобождая народъ отъ „господъ“, разрывая крѣпостныя цѣпи, которыми крестьяне были закованы триста лѣтъ, этотъ законъ въ то же время осуждалъ крестьянство на нищету и темноту, потому что покуда народъ нищъ, онъ изъ темноты не выйдетъ. А какъ могло случиться, что тотъ самый законъ, который избавлялъ народъ отъ помѣщичьей неволи, который давалъ народу свободу, былъ написанъ такъ, что имъ же крестьяне снова закабалялись тѣмъ же помѣщикамъ,— это теперь хорошо извѣстно.

Но прежде, чѣмъ разсказать объ этомъ, возьмемъ одинъ примѣръ, который всѣ знаютъ, потому что онъ у всѣхъ передъ глазами. Я говорю о Государственной Думѣ и о томъ, какъ составлялся о ней законъ.

Когда позорная война съ японцами, во время которой наши генералы не одержали ни одной побѣды, а загубили нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ солдатъ убитыми, ранеными и искалѣчеными, потеряли милліарды *) народ-

*) Милліардомъ называется одна тысяча милліоновъ. Какъ много въ одномъ милліардѣ денегъ, это можно судить вотъ почему. Въ каждомъ серебряномъ рублѣ чистаго серебра 4 лота 21 доля, что и написано по краю монеты. Если бы нужно было милліардъ отсчитать чистымъ серебромъ, то онъ вѣсилъ бы *одинъ милліонъ двѣсти трид-*

ныхъ денегъ, когда, говорю, война эта, неизвѣстно изъ-за чего начатая, всѣмъ показала, что наши бездарные генералы способны не защищать Россію, а только расточать ея достояніе,—всѣ увидали, что самовластіе чиновниковъ губитъ Россію. Повсюду начали требовать, чтобы чиновничьему хозяйству былъ положенъ конецъ, чтобы были заведены другіе порядки, при которыхъ не чиновники, а самъ народъ распоряжался бы своей судьбой. Начали вездѣ требовать, чтобы всѣ чиновники, отъ министра до послѣдняго стражника, были бы взяты на отчетъ, чтобы ни одна копѣйка никѣмъ не могла бы быть израсходована безъ вѣдома и согласія самого народа. Когда этого стали требовать по всей Россіи, то всенародно было объявлено, что будетъ изданъ такой новый законъ, который ограничитъ самовластіе чиновниковъ, и чиновники будутъ отсчитываться въ расходованіи народныхъ денегъ передъ выборными отъ народа.

цать двѣ тысячи триста пятьдесятъ одинъ съ половиной (1.232,351½) *пудъ.* Если бы пришлось одной деревнѣ перевозить такое количество серебра и она каждый день отпускала бы для того по 100 подводъ и на каждую подводу наваливали бы по 20 пудовъ, то было бы отправлено *шестедесятъ одна тысяча шестьсотъ семнадцать возовъ* (61,617), на что нужно бы было *шестьсотъ шестнадцать* (616) *дней* или *двадцать съ половиною мѣсяцевъ.* Двадцать мѣсяцевъ работала бы хорошая деревня изо дня въ день, отправляя ежедневно по 100 подводъ, чтобы перевезти одинъ милліардъ рублей! А война стоила русскому народу около *трехъ милліардовъ рублей*, да сколько еще придется платить процентовъ по сдѣланнымъ на войну долгамъ, да японцамъ за плѣнныхъ, да нужно посчитать, что стоитъ половина острова Сахалина, что отдали японцамъ. Сколько нужно будетъ взять съ народа, чтобы набрать такую уйму денегъ и покрыть всѣ сдѣланные расходы и долги! Какъ же тутъ не быть народу нищимъ! А во что нужно посчитать, что на два года оторвали отъ работъ столько рабочаго населенія; во что нужно считать народные убытки отъ потери всѣхъ этихъ сотенъ тысячъ убитыхъ, искалѣченыхъ? Всего и не сосчитать! И все это пошло прахомъ. А почему? Потому что наши генералы и чиновники оказались никуда не годными...

Для составленія этого закона обѣщали призвать выборныхъ отъ народа.

Это было меньше года назадъ, и всѣ это еще хорошо помнятъ. Всѣ также хорошо помнятъ и то, что сдѣлали съ этими обѣщаніями чиновники: вмѣсто того, чтобы собрать выборныхъ отъ всего народа, которые и рѣшили бы, какъ лучше сдѣлать, чтобы чиновники не разоряли народъ, чиновники сами стали придумывать, какъ бы имъ написать новый законъ безъ всякихъ выборныхъ, и придумали Государственную Думу, да такую, въ которую почти попадутъ только тѣ, кто желателенъ самимъ господамъ чиновникамъ. Но этого имъ показалось еще мало. Прошло полгода, они придумали другой законъ, по которому Дума сама ничего не можетъ сдѣлать, чего не захотятъ все тѣ же чиновники, отъ самовластія и произвола которыхъ стонетъ вся Россія, засѣдающіе въ Государственномъ Совѣтѣ. Безъ согласія Государственнаго Совѣта Дума не можетъ ни издать новаго, ни отмѣнить никакого стараго закона, какъ бы онъ плохъ ни былъ, какъ бы народъ отъ него ни страдалъ. Но и этого чиновникамъ было еще мало и они придумали еще одно средство, чтобы въ Думу никто не попалъ, кто имъ не желателенъ. Они рѣшили запугать Россію, нагнать на нее такого страху, чтобы „внуки помнили“, какъ сказалъ недавно министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, и для этого объявили всю Россію или на военномъ положеніи, или на положеніи охраны, роздали Россію по частямъ разнымъ генералъ-губернаторамъ, и тѣ, что хотятъ, то и дѣлаютъ съ народомъ, тысячами избиваютъ, ссылаютъ, вѣшаютъ и разстрѣливаютъ. Прежде нельзя было безъ суда казнить никого, а теперь и вѣшаютъ, и разстрѣливаютъ безъ

всякаго суда, по одному приказанію офицера или даже по желанію простого солдата. И все это для того, чтобы въ Государственную Думу не могъ никто попасть, кого не желаютъ чиновники.

Вотъ что сдѣлали изъ даннаго народу обѣщанія новаго закона, который бы устроилъ Россію. Отъ такой Думы чего же ждать можно? Избавленія отъ чиновничьяго произвола и самовластія не будетъ, а будетъ можетъ быть для народа еще тяжеле, еще горше. Оно и понятно: кто себѣ врагъ? Не врагъ себѣ и чиновникъ, и онъ самъ никогда такого закона не напишетъ, который отнялъ бы у него власть надъ народомъ или не позволилъ бы ему, какъ вздумается, распоряжаться народнымъ достояніемъ. Это можетъ создать только самъ народъ, черезъ своихъ выборныхъ лучшихъ людей, которыхъ должны избирать всѣ, какъ богатый, такъ и бѣдный, какъ мужикъ, такъ и баринъ, какой бы онъ вѣры или народности ни былъ, мужчина ли тамъ, или женщина,—все равно. Законы всѣхъ касаются, для всѣхъ пишутся, и потому всѣ должны и своихъ выборныхъ посылать для составленія новыхъ законовъ. Выбирать должно такъ, чтобы начальство не вмѣшивалось въ выборы, чтобы ни начальство, никто другой не зналъ бы, кто за кого подастъ свой голосъ, а иначе иной будетъ злиться и мстить, зачѣмъ де подавалъ голосъ за того, а не за этого, котораго мнѣ было желательно. Точно также голосъ нужно подавать прямо, чтобы каждый зналъ, кого онъ выбиралъ и чтобы тотъ отчетъ потомъ держалъ передъ выбравшими его, такъ ли онъ дѣлалъ, такъ они хотѣли, или нѣтъ. А то въ Государственную Думу теперь крестьяне выбираютъ сначала на волостной сходъ, потомъ волостной сходъ выбираетъ выбор-

щиковъ на уѣздный съѣздъ, на уѣздномъ съѣздѣ выборщики выбираютъ на губернскій съѣздъ и только тамъ выбираютъ уже въ самую Думу. При такомъ порядкѣ выборовъ никто не знаетъ, кого онъ выбиралъ, и правильно ли выбранный дѣлалъ въ Думѣ или нѣтъ, защищалъ онъ тамъ крестьянъ или можетъ быть продалъ ихъ господамъ и только дѣлалъ народу во вредъ.

Было бы совсѣмъ иное дѣло, если бы были избраны въ прошедшемъ году довѣренные отъ всего народа и имъ было бы поручено установить въ Россіи такой новый порядокъ, который избавилъ бы ее отъ самовластія чиновниковъ и сдѣлалъ бы такъ, чтобы весь русскій народъ былъ бы и свободенъ, и сытъ. Такое собраніе избранныхъ отъ всего народа для установленія въ государствѣ новаго порядка — оно называется учредительнымъ собраніемъ — только и могло бы создать такой законъ о Государственной Думѣ, которымъ былъ бы доволенъ весь народъ русскій, а не одни чиновники да богатые помѣщики да фабриканты, какъ теперь. Это пойметъ всякій.

Вотъ такая точно исторія случилась и съ закономъ о крестьянской волѣ, когда сорокъ пять лѣтъ назадъ освобождали крестьянъ отъ крѣпости помѣщикамъ. Вотъ какъ это случилось.

Долго, очень долго томились русскіе крестьяне въ неволѣ у помѣщиковъ, все ждали, что можетъ быть „Господь смилуется“ надъ крестьянами и имъ будетъ дана воля. Но воля не приходила. Чиновники, изъ которыхъ состояло правительство того времени, не дозволяли даже говорить не только о томъ, что крѣпостныхъ нужно освободить отъ помѣщиковъ, — за такія рѣчи батожьемъ били да въ Сибирь ссылали безъ вся-

кой пощады, — а нельзя было говорить и о томъ, что какой-нибудь помѣщикъ очень ужо лютуетъ, звѣрствуетъ и зоритъ своихъ крѣпостныхъ. Тяжкое, темное было время, особенно когда на престолъ вступилъ Николай I: чиновники дохнуть никому не давали, ни крѣпостнымъ, ни тѣмъ изъ „господъ", которые понимали, что крестьянинъ не скотина и держать его въ крѣпости помѣщика нельзя. Это и понятно, потому что почти всѣ, особенно которые повыше, чиновники были изъ тѣхъ же дворянъ. У нихъ тоже были свои крѣпостные да дворовые, потому и строгость такая была, что никому изъ нихъ не хотѣлось разстаться со своими крѣпостными рабами.

Только чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе крѣпостнымъ становилось не въ моготу терпѣть, народъ началъ сильно волноваться, бунты шли одинъ за другимъ, и всѣ поняли, что нельзя уже людей на конюшняхъ драть, торговать ими, какъ скотиной, мѣнять ихъ на собакъ да проигрывать въ карты; всѣ поняли, что крѣпостничеству пришелъ конецъ. Подошла Крымская война, русскую армію побѣдили, Севастополь былъ взятъ. Какъ и теперь, тогда всѣ поняли, что Россія не оправится отъ нанесеннаго ей пораженія, если не дать народу волю, потому что и пораженіе Россія потерпѣла потому, что народъ былъ вовсе задерганъ „господами" да чиновниками. Поняли это и сами чиновники, и было объявлено, какъ и насчетъ Государственной Думы, что правительство хочетъ облегчить тяжелое положеніе крестьянъ.

Облегчить крестьянамъ жизнь можно было только однимъ способомъ: сдѣлать ихъ всѣхъ вольными людьми, а у помѣщиковъ навсегда отнять право распоряжаться крестьянами. Это для всѣхъ было ясно, только многіе

помѣщики этого никакъ не могли взять въ толкъ, все не могли понять, да какъ же міръ будетъ стоять, если у нихъ, у помѣщиковъ, вдругъ отберутъ крѣпостныхъ. „Не можетъ этого быть“,—говорили они, „да и Богъ не попуститъ“. Такъ и не вѣрили, что крѣпостныхъ все-таки не будетъ.

Только тогда вышло то же, что и теперь: крѣпостнымъ волю дать нужно, это было ясно для всѣхъ, кромѣ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, а какъ это нужно сдѣлать—думали разно,—одни такъ, а другіе иначе. Прежде всего, конечно, нужно было спросить самихъ крестьянъ, какъ и что, по ихнему мнѣнію, нужно сдѣлать, что бы имъ жилось лучше, чѣмъ при „господахъ“. И крестьяне сказали бы, что имъ нужно то-то и то-то, а сдѣлать это надо такъ-то и такъ-то. Прежде всего, конечно, крестьяне сказали бы, что нужно такъ сдѣлать, что бы на будущее время никогда господа никакой власти надъ крестьянами не имѣли бы, что бы крестьянамъ была дана полная свобода устраивать свою жизнь, какъ они сами того хотятъ, а не какъ это желательно другимъ—помѣщикамъ или чиновникамъ. Это прежде всего. А затѣмъ, что бы помѣщикамъ оставить землю только тѣмъ, кто изъ нихъ захочетъ самъ ее обрабатывать и не больше того, что онъ можетъ обработать своими руками, а вся остальная земля должна принадлежать всему народу. Но господа сами землю пахать не пожелаютъ, а потому ее всю и слѣдуетъ отъ нихъ отобрать вмѣстѣ съ крѣпостными, которые давно своимъ трудомъ да своими муками окупили землю свыше всякой мѣры.

Такъ бы отвѣтили крестьяне, если бы ихъ тогда спросили. Но мало было бы спросить только крестьянъ. Нужно было бы все дѣло уничтоженія рабства въ Россіи

передать въ руки самого народа. Только народъ черезъ своихъ представителей, правильно и свободно избранныхъ имъ,— т. е. всеобщей прямой, равной и тайной подачей голосовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, како бы они вѣры и народности не были, или тамъ сословія, богатый или бѣдный—все равно—только въ такомъ случаѣ могъ бы бытъ выроботанъ и законъ, который былъ бы хорошъ для всѣхъ живущихъ въ Россіи. А если бы и сдѣлали такъ, то народъ, освобожденный отъ ига помѣщиковъ, давно бы ужъ сталъ на ноги, окрѣпъ бы и устроился бы такъ, какъ ему было любо, никому не мѣшая. И не было бы теперь ни голодухъ, ни нищихъ деревень, всѣ бы были сыты и всѣ образованы, и была бы Россія сильна и могуча, и не только японецъ, а и никакой другой врагъ ей не былъ бы страшенъ, да никто и не посмѣлъ бы ее тогда и трогать. Но чиновники наши не признавали, что бы народъ могъ самъ о себѣ заботиться и самъ для себя законъ составлять и думали, что только они одни и смогутъ что нибудь сдѣлать, а потому народа, который хотѣли освободить, никто не спрашивалъ, и сдѣлали все чиновники не такъ, какъ было бы всего лучше крестьянамъ, а такъ, какъ того хотѣли другіе, сами они да помѣщики,—и пошло все подъ гору,—народъ обнищалъ, по прежнему остался темнымъ и необразованнымъ, обезсилилъ, замотался, какъ худая кляча, которую дурной хозяинъ до смерти загонялъ на непосильной работѣ. Ослабъ простой народъ, ослабѣла и вся Россія, и дошло до того, что ее побѣдило такое небольшое государство, какъ Японія, и все пошло у насъ въ разбродъ да въ розницу. Чиновники, которые привыкли только понукать народомъ, и тѣ въ первое время растерялись и не знали, что дѣлать, что бы какъ нибудь имъ удержаться на мѣстѣ.

Вмѣсто крестьянъ, чиновники того времени обратились къ помѣщикамъ и ихъ спрашивали, какъ лучше освободить отъ нихъ, отъ помѣщиковъ, ихъ же крестьянъ. Для этого собирали ихъ и въ уѣздныхъ городахъ, и въ губернскихъ, и въ Петербургѣ. Долго собирались помѣщики, думали и толковали между собою, какъ лучше освободить отъ себя крѣпостныхъ крестьянъ, и рѣшили, что нужно это такъ сдѣлать, что бы отъ новаго закона лучше всего было бы не крестьянамъ, а имъ, помѣщикамъ, чтобы отъ крестьянской воли они, помѣщики, всего меньше потерпѣли бы непріятностей да убытковъ. Когда помѣщики столковались между собою, то чиновники, съ нѣкоторыми изъ нихъ стали и самый законъ сочинять. Вотъ такъ то и былъ составленъ законъ 19 февраля 1861 года, который освободилъ крестьянъ отъ помѣщиковъ и закабалилъ тѣхъ же крестьянъ землевладѣльцамъ, т. е. тѣмъ же помѣщикамъ.

Для помѣщиковъ, конечно, было бы самое выгодное совсѣмъ не давать крестьянамъ воли, оставить ихъ всѣхъ по прежнему за собою, но сдѣлать этого не посмѣли, боялись, что народъ и самъ себя освободитъ. Царь Александръ II въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ засѣдали все самые богатые помѣщики-чиновники, такъ имъ прямо и сказалъ: „лучше отмѣнить крѣпостное состояніе сверху, чѣмъ оно будетъ отмѣнено снизу", то есть пусть лучше правительство дастъ народу волю, чѣмъ онъ ее возьметъ у помѣщиковъ самъ.

Нѣкоторые помѣщики хотѣли, что бы крестьянамъ дать только вольную, а земли имъ не давать вовсе, всю землю оставивъ за помѣщиками. Не хотѣлось имъ разставаться со своимъ благополучіемъ. Много такихъ было. Но которые были изъ нихъ поумнѣе, тѣ пони-

мали, что безъ земли крестьянъ освободить нельзя, такъ какъ это вызвало бы такіе между крестьянами безпорядки и бунты, какихъ еще не бывало, а помѣщики этого больше всего боялись, боялось безпорядковъ и правительство. Но они не хотѣли, чтобы лишить помѣщиковъ земли, а потому и было рѣшено освободить съ землей, но дать ее крестьянамъ какъ можно меньше, чтобы крестьяне на ней одной никакъ не могли бы вести свое хозяйство, а потому волей-неволей шли бы къ своимъ же помѣщикамъ, которымъ осталась большая часть земли, и работали бы на нихъ или снимали бы у нихъ землю въ аренду. Рѣшили такъ сдѣлать, что хоть и вольный будетъ мужикъ, а безъ помѣщика чтобы ему никакъ нельзя было обойтись. А такъ какъ помѣщикамъ не хотѣлось разставаться даромъ съ землей, хотя сами они на ней никогда не сѣяли, не жали, а только собирали въ житницы, да и то не своими руками,—то и рѣшено было землю крестьянамъ отдать за деньги, на выкупъ. И пришлось крестьянамъ выкупать у помѣщиковъ ту самую землю, которую они сотни лѣтъ пахали, поливая ее своимъ потомъ да слезами, а раньше поливали и кровью своею...

Вотъ почему у крестьянъ послѣ „воли“ земли сразу стало вдвое, втрое меньше, а платежей такъ много, и ими такъ мужика обложили, что онъ и до сихъ поръ ими придавленъ, какъ тяжелымъ камнемъ къ землѣ.

Неужели, однако, въ то время никого не было, кто заступился бы за крестьянъ? Такіе люди, конечно, были, только силы у нихъ никакой не было, а потому и сдѣлать они многаго не могли. Лучше всего крестьянскую нужду понимали писатели, это тѣ, что, книги да газеты пишутъ. Они первые стали говорить, какъ тя-

жело живется крестьянамъ и что нужно имъ дать волю. Нѣкоторые и изъ молодыхъ „господъ“ тоже понимали, что не дать волю народу никакъ невозможно. Еще въ царствованіе Екатерины начали писать да говорить, что худо жить крестьянамъ и надо ихъ освободить, и первый, кто объ этомъ прямо и смѣло написалъ, былъ Радищевъ, котораго за это приговорили къ смертной казни, а потомъ казнь замѣнили ссылкой въ Сибирь, въ Илимскій острогъ. Въ двадцать пятомъ году въ Петербургѣ бунтъ былъ, когда царь Николай I на престолъ вступилъ, 14 декабря, и требовали тогда молодые господа, чтобы народу была дана воля и что нужно въ Россіи завести справедливые порядки. Бунтъ этотъ кончился ничѣмъ, а изъ тѣхъ, кто требовалъ народу воли, пять человѣкъ повѣсили да больше ста человѣкъ сослали въ сибирскіе рудники, кого на поселеніе отправили, кого въ солдаты сдали. Много тогда народу загубили. И послѣ того, до самой „воли“, были и изъ „господъ“ такіе люди, которые всю свою жизнь отдали на то, чтобы добиться крестьянамъ свободы. Были такіе и тогда, когда самый законъ о „волѣ“ писался, только, говорю, мало ихъ было и многаго они сдѣлать не могли, потому что вся сила была у помѣщиковъ да чиновниковъ. Изъ писателей въ то время больше всѣхъ сдѣлалъ для крестьянъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, и его имя нужно знать каждому изъ крестьянъ, потому что онъ былъ главный ихъ заступникъ при освобожденіи. Онъ больше всѣхъ хлопоталъ, чтобы крестьянъ послѣ освобожденія устроили хорошо, чтобы имъ землю дали и все сдѣлали бы такъ, чтобы имъ не доведось бѣдствовать. Ему это даромъ не прошло: года два спустя его арестовали, а потомъ сослали въ ка-

торжныя работы. Были и между чиновниками такіе, которые за крестьянъ стояли, чтобы ихъ освободили отъ помѣщиковъ и дали бы имъ землю, но такихъ было еще меньше, и большой силы они также не имѣли.

Какъ ни хотѣлось большинству помѣщиковъ, чтобы все осталось по старому, чтобы крѣпостные попрежнему остались бы крѣпостными; какъ ни пугали они себя и другихъ, что крестьянамъ нельзя давать волю, потому что, почуявъ себя свободными и не видя надъ собою помѣщичьяго кулака, они будутъ своевольничать, всѣхъ бить и не станутъ работать,—все же освобожденіе крѣпостныхъ было рѣшено, рѣшено было и землю имъ дать. Это было еще за три съ половиной года до 19-го февраля, въ 1857 году.

Стали рѣшать, сколько же дать мужику земли? Прежде всего начали считать, сколько у помѣщика мужикъ пахалъ на себя. Оказалось, немного. Больше пахалъ на барина. Было рѣшено, не давать надѣла больше того, сколько помѣщики дозволяли мужикамъ для себя пахать. А такъ какъ въ разныхъ губерніяхъ это было разно, то для каждой губерніи назначили и надѣлъ свой, да не одинъ надѣлъ, а три: самый большой, это тотъ, что приравнивали къ количеству земли, какое крестьяне, состоявшіе на барщинѣ, пахали на себя, и назвали этотъ надѣлъ *высшимъ*; другимъ надѣломъ назначили третью часть высшаго и назвали его *низшимъ*. Это для каждой губерніи сдѣлали свой разсчетъ. Отводъ надѣла производился по соглашенію между помѣщикомъ и крестьянами, и надѣлъ отводился такой, чтобы онъ не былъ больше *высшаго*, указаннаго въ законѣ, и меньше низшаго, а такъ середній, какъ столкуются между собою. Кромѣ того, было дозволено, если крестьяне согласятся,

давать имъ и еще меньшій надѣлъ, четвертую часть высшаго, но уже этотъ безъ выкупа, даромъ, такъ его и назвали *дарственнымъ*, а крестьяне его окрестили *нищенскимъ* за то, что онъ былъ такъ малъ, что и нищему на немъ дѣлать было нечего.

Изъ этого видно, что, по закону 19 февраля 1861 года, даже и самый высшій надѣлъ, какой только могъ быть отведенъ крестьянамъ, все-таки былъ гораздо меньше того, какой могъ крестьянинъ обработать своими силами, потому что до „воли“ онъ обрабатывалъ ту же землю да еще землю, которая осталась за помѣщикомъ. Значитъ, у получившаго даже самый высшій надѣлъ все-таки остается по крайней мѣрѣ половина времени, котораго ему дѣвать некуда на своемъ надѣлѣ. Разсчетъ былъ при этомъ простой: на своемъ надѣлѣ мужикъ все равно не прокормится, потому что тотъ очень малъ для этого, во-первыхъ, а во-вторыхъ, у мужика на своемъ надѣлѣ не къ чему рукъ приложить будетъ, какъ слѣдуетъ, будетъ у него оставаться много лишняго времени, и онъ пойдетъ къ помѣщику за работою, либо за землей для аренды. Придумали господа помѣщики да чиновники все это, и не глупо придумали: получилъ мужикъ волю, а отъ помѣщика все равно никуда не уйти, и дѣлаетъ съ нимъ помѣщикъ, что хочетъ, только что самъ его на конюшню не гоняетъ да дѣвокъ его не портитъ, какъ бывало въ старину. И вышла на повѣрку, крестьянамъ такая воля, что немногимъ лучше прежней неволи. Только не сразу во всемъ этомъ разобрался народъ.

Такъ былъ составленъ законъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. И потому онъ былъ такъ составленъ, что его писали чиновники да

помѣщики, какъ это для нихъ было выгоднѣе, а крестьянъ, для которыхъ, казалось бы, и законъ писался, никто не спрашивалъ и спрашивать не находилъ нужнымъ. Иначе и быть не могло. Отъ этого закона крестьяне только разорились, обнищали и дошли до послѣдней крайности, а помѣщики отъ него только выиграли.

Теперь посмотримъ, какъ по этому закону крестьяне надѣлялись землей. Возьмемъ Саратовскую губернію для примѣра. До „воли“ крестьяне на себя пахали, если брать на кругъ всю губернію и всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ, около 5 десятинъ на ревизскую душу, а при надѣлѣ имъ дали около 3 десятинъ, значитъ, двѣ десятины на каждую душу меньше. Такимъ образомъ, земли сразу почти вдвое уменьшилось у саратовскихъ крестьянъ. Многоземельныхъ, т. е. такихъ, у которыхъ до „воли“ было на душу земли больше, чѣмъ сколько полагалось *высшимъ* надѣломъ, на сотню душъ было 48 человѣкъ, почти, значитъ, половина всѣхъ крестьянъ, а послѣ „освобожденія“ такихъ осталось изъ каждой сотни душъ только 6 человѣкъ. Малоземельныхъ, т. е. такихъ крестьянъ, у которыхъ было менѣе трехъ четвертей высшаго надѣла, было на сотню душъ 16 человѣкъ, а послѣ освобожденія ихъ уже стало 52. Изъ этого видно, что у кого земли было побольше, тѣхъ стало меньше, а у кого земли было поменьше, то такихъ послѣ освобожденія стало куда больше. Отсюда сразу и бѣдность пошла въ народѣ.

И такъ по всей Россіи. Саратовская губернія была еще счастливѣе другихъ, въ ней земли было больше, а во многихъ губерніяхъ крестьяне и того не получили: въ Курской, напримѣръ, или въ Полтавской губерніяхъ

высшій надѣлъ назначили меньше 3 десятинъ на душу, а низшій—меньше одной десятины. Въ Рязанской, Тамбовской, Воронежской—высшій надѣлъ немного больше 3 десятинъ, а низшій около одной, въ Тульской—высшій 3 десятины, а низшій—одна десятина. То же и въ другихъ губерніяхъ. Да и многіе ли получили высшій надѣлъ? Очень немногіе, чаще всего получили или низшій надѣлъ, или „по соглашенію", средній между высшимъ и низшимъ надѣломъ, т. е. десятины полторы—двѣ на душу ревизскую.

Какъ такіе-то надѣлы отвели крестьянамъ, ихъ хозяйство сразу и пошло на упадокъ, потому что у крестьянъ сразу въ два, въ три раза меньше земли стало. А со временемъ, когда народу поприбавилось вездѣ, то хозяйство и вовсе пришло въ полное разстройство, и дошло до того, что, какъ говорятъ крестьяне, такъ вездѣ стало тѣсно, что и „теленка некуда выгнать", „курицу некуда выпустить". И это еще такъ, гдѣ надѣлы были отведены правильно, безъ подвоха, а гдѣ отводили недобросовѣстно, гдѣ обсчитали да обдѣлили крестьянъ на землѣ, тамъ и вовсе было плохо съ самаго начала. Крестьяне это хорошо знаютъ.

Такъ было съ господскими крестьянами, но такъ же было и съ крестьянами удѣльными и государственными. Вся разница въ томъ, что надѣлъ удѣльнымъ крестьянамъ былъ отведенъ нѣсколько побольше, чѣмъ помѣщичьимъ, а государственнымъ побольше, чѣмъ удѣльнымъ. Въ остальномъ же разницы нѣтъ.

Насколько отведенный надѣлъ малъ, недостаточенъ для крестьянина, который не можетъ обойтись имъ однимъ, это видно между прочимъ вотъ изъ чего. Послѣ голодныхъ годовъ вездѣ начали говорить, что у кре-

стьянъ земли мало, что отъ того въ Россіи и голодовка, что мужику не къ чему у себя дома рукъ приложить. Тогда чиновники стали считать, правда ли, что у крестьянъ такъ плохо въ хозяйствѣ, какъ писали въ книгахъ да газетахъ, и вотъ что они насчитали. Если принять, что каждому крестьянину нужно земли столько, сколько онъ ее можетъ обработать самъ своимъ трудомъ и трудомъ своей семьи, то нужно было бы теперь на каждое хозяйство крестьянина по сорокъ десятинъ земли. Когда народъ будетъ образованнымъ, когда онъ будетъ знать, какъ можно вести хозяйство, что бы та же земля которая теперь даетъ 50 — 70 пудовъ съ десятины хлѣба, давала бы въ два, въ три и больше разъ хлѣба, тогда на семью нужно было бы меньше земли, потому что при хорошей обработкѣ земли, какъ у нѣмцевъ, одной семьѣ съ 40 десятинами не управиться. Такъ вотъ чиновники и высчитали, что если брать по сорокъ десятинъ на семью, въ которой 3 работника, то оказывается, что на *каждый крестьянскій дворъ* не хватаетъ тридцати пяти съ половиною десятинъ, а на *каждаго работника* не хватаетъ одиннадцати съ половиной десятинъ.

Изъ этого видно, что у крестьянъ въ надѣлѣ только *пятая* часть той земли, которую они могли бы обработать своимъ трудомъ. Если брать отдѣльныя губерніи, то въ нѣкоторыхъ земли окажется еще меньше: въ Полтавской, напр., губерніи земли въ надѣлѣ въ *десять разъ меньше* того, что могли бы обработать крестьяне, то же въ Кіевской, Подольской, Волынской, Рязанской и другихъ.

При этихъ своихъ расчетахъ чиновники брали всѣхъ крестьянъ вмѣстѣ т. е. и помѣщичьихъ, и удѣльныхъ,

и государственныхъ; если бы они считали только помѣщичьихъ, то недохватка земли оказалась бы еще большая, такъ какъ у этихъ крестьянъ по всей Россіи надѣлы меньше, чѣмъ у другихъ.

Сорокъ десятинъ на хозяйство—это много, этого количества земли не хватитъ, если всѣ земли разверстать между крестьянами, т. е. и казенныя и частновладѣльческія, и удѣльныя и другія. Да крестьянину и не надо столько земли, потому что только бы ему дать образованіе да силу забрать, онъ и на меньшемъ участкѣ добудетъ хлѣба столько, сколько теперь не даютъ 100 и больше десятинъ. Это всегда нужно помнить и понимать.

Тѣ же чиновники сдѣлали и другой расчетъ: можетъ ли крестьянамъ хватить продовольствія, если бы посчитать весь хлѣбъ, какой они снимаютъ со своихъ надѣльныхъ земель? Разсчетъ этотъ сдѣланъ для 50 губ. Россіи. Если взять весь хлѣбъ, какой можно получить съ надѣльныхъ земель этихъ губерній и считать, что на одну душу всего населенія, то есть какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, требуется для прокормленія въ теченіе года 20 пудовъ ржи, а на прокормъ одной лошади 40 пудовъ овса, то окажется, что на каждую душу не хватитъ ржи почти трехъ съ половиной пудовъ и 16 пудовъ овса на лошадь. По этимъ расчетамъ, изъ 50 губ. Россіи только въ *восьми* съ надѣльныхъ земель можно снять больше того количества хлѣба, какое требуется для прокормленія крестьянскаго населенія. Это губерніи южныя степныя: Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская и Донская область и три восточныхъ, степныхъ же губерніи—Самарская, Оренбургская и Уфимская; во всѣхъ же осталь-

ныхъ сорока двухъ губерніяхъ хлѣба съ надѣльныхъ земель не хватаетъ даже на одно только прокормленіе крестьянскаго населенія.

На прокормъ скоту овса хватитъ съ надѣльныхъ земель только въ *трехъ* губерніяхъ изъ 50, а именно: въ Вятской, Казанской и Курляндской...

Но вѣдь крестьянину нужна земля не только для того, чтобы получить съ нея хлѣбъ для прокормленія себя и своей семьи и на прокормъ лошади, ему нужно съ той же земли получить хлѣбъ и на продажу, нужно на хлѣбѣ заработать деньги и на одежду, и на подати и на многое другое. Но этого надѣлъ ему не можетъ дать, такъ какъ онъ очень малъ.

Что же остается при такомъ надѣлѣ дѣлать крестьянину? Пока одно—идти къ помѣщику-землевладѣльцу и снимать у него землю въ аренду, или наниматься къ нему въ работу. Крестьяне такъ и дѣлаютъ. По расчетамъ тѣхъ же чиновниковъ, пять лѣтъ назадъ (въ 1901 году), крестьянами всѣхъ разрядовъ въ 50 губерніяхъ арендовалось *шесть милліоновъ тридцать три тысячи* десятинъ земли у разныхъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ у *частныхъ землевладѣльцевъ*—*пять милліоннов пятьдесятъ восемь тысячъ* десятинъ.

Это все по расчетамъ самого правительства, т. е. чиновниковъ, которые свои расчеты дѣлали по тѣмъ свѣдѣніямъ, что имъ присылали земскіе начальники да волостныя правленія. Въ дѣйствительности же, крестьянамъ приходится арендовать земли еще больше. По расчетамъ земствъ, въ 183 только уѣздахъ, гдѣ производилась статистиками перепись, арендуется крестьянами болѣе 10 милліоновъ десятинъ земли, при чемъ только

въ 163 уѣздахъ болѣе полутора милліона крестьянскихъ хозяйствъ арендуютъ землю, а это значитъ, что болѣе третьей части всѣхъ хозяйствъ безъ аренды обойтись не могутъ. Но если даже допустить, что крестьянами арендуется лишь столько, сколько считаютъ чиновники, то и того достаточно, чтобы понять, изъ за чего было хлопотатъ помѣщикамъ передъ 1861 годомъ и не соглашаться даже за выкупъ дать крестьянамъ хорошіе надѣлы: будь у крестьянъ своей земли достаточно, они не арендовали бы у помѣщиковъ больше пяти милліоновъ десятинъ!

Не трудно и то понять, что если крестьянамъ приходится арендовать столько земли и въ томъ числѣ болѣе *пяти милліоновъ* десятинъ у помѣщиковъ, то, значитъ, имъ пришлось вовсе туго, потому что условія аренды частновладѣльческихъ земель такія, что только самая крайняя, безъисходная нужда можетъ заставить соглашаться на нихъ, что знаетъ всякій крестьянинъ. Арендныя цѣны такъ высоки, что часто крестьянину арендуемая имъ земля не только не даетъ дохода, не только не покрываетъ расходовъ по арендѣ, но даже не оплачиваетъ ему труда по обработкѣ, и если онъ все таки ее снимаетъ у барина, то только потому, что иначе семью нечѣмъ будетъ прокормить, или же потому, что надѣлъ былъ отведенъ такъ, что иного участка нельзя не арендовать, какую бы цѣну ни потребовалъ за него помѣщикъ, такъ какъ иначе одними потравами да штрафами крестьяне будутъ разорены еще болѣе. Тутъ арендовать приходится поневолѣ, „и плачешь да снимаешь", —говорятъ въ такихъ случаяхъ крестьяне. Арендныя цѣны съ каждымъ годомъ растутъ и во многихъ мѣстахъ достигли такихъ размѣровъ, что

брать землю при нихъ можно только изъ опасенія иначе умереть съ голоду. Такія аренды такъ и называются *голодными*.

Это еще не все, что принесъ крестьянамъ законъ 19 февраля 1861 года. Крестьянинъ не можетъ выбиться изъ нищеты и голода не только потому, что у него своей земли мало и онъ долженъ арендовать землю у помѣщика по *голоднымъ* цѣнамъ, но и потому еще, что ему за надѣльную землю приходится платить непомѣрно много.

Прежде не было крѣпостныхъ, а князья да бояре сами земли никогда не пахали, поэтому вся земля была за крестьянами, исконными русскими пахарями. Только одни крестьяне землю и пахали; только они ее подъ пашни расчищали отъ лѣса, поднимали цѣлины на степяхъ и сдѣлали землю пригодною къ обработкѣ. Крестьяне все таки не считали, что земля ихняя, крестьянская, а думали, что она ничья, „Божья", а пользоваться ею можетъ только тотъ, кто самъ на ней работаетъ: пока работаетъ, до той поры и земля его, а бросилъ работать—и земля опять ничья, опять ее можетъ всякій другой либо пахать, либо косить на ней. Такъ и велось на Руси многія сотни лѣтъ, пока цари не начали прикрѣплять крестьянъ къ разнымъ князьямъ да боярамъ. Сначала крестьяне и сами приписывались, чтобы имѣть защиту у князей отъ приказныхъ. Также крестьянъ приписывали къ монастырямъ и церквамъ. Понемногу князья да бояре привыкли смотрѣть на приписанныхъ къ нимъ крестьянъ, какъ на свою собственность, которую можно и купить, и продать, какъ скотину. Точно такъ же стали смотрѣть и на земли, на которыхъ работали крестьяне, какъ

на свои собственныя. Такъ началось крѣпостное право въ Россіи. Потомъ цари, особенно Екатерина II да Павелъ I, начали раздавать вольныхъ крестьянъ разнымъ своимъ любимцамъ въ крѣпостную зависимость. Только въ эти два царствованія было роздано въ крѣпость помѣщикамъ *одинъ миллгонъ двѣсти тысячъ* душъ вольныхъ крестьянъ. Крестьяне всегда чувствовали, что съ ними было поступлено несправедливо и много лѣтъ добивались, чтобы ихъ освободили отъ помѣщичьяго ига. Все время по Россіи бунты шли, то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, а при Екатеринѣ, во время Пугачева, чуть не половину Россіи охватилъ бунтъ — все требовали, чтобы избавить крестьянъ отъ помѣщиковъ. Когда, наконецъ, крестьянъ въ 1861 году отпустили на волю и дали имъ немного земли въ надѣлъ, а остальную землю оставили за помѣщиками, то за надѣльную землю былъ еще назначенъ выкупъ: правительство заплатило каждому помѣщику за надѣльную землю по особому расчету, а затѣмъ эту сумму разложили на крестьянъ, чтобы они ее выплатили казнѣ въ 49 лѣтъ. И пришлось крестьянамъ не только лишиться многихъ земель, но еще и выкупать надѣльную землю, которую они всегда считали своей, потому что кромѣ нихъ ее никто никогда не обрабатывалъ.

Крестьянамъ всей земли отъ помѣщиковъ отошло 33 милліона десятинъ, за которыя казна уплатила помѣщикамъ, сдѣлавъ для того заемъ, *восемьсотъ девяносто семь съ половиною* милліоновъ рублей. Землю оцѣнивали сами помѣщики да чиновники, крестьянъ, же которые должны были потомъ платить за эту землю своими деньгами, никто не спрашивалъ и на этотъ разъ, какъ будто ихъ дѣло вовсе и не касалось.

Оцѣнка была взята такая, что и земля того не стоила. Тогда всѣ заговорили, что крестьянъ сильно обидѣли: во 1) не всю имъ землю вернули, а во 2) и за ту назначили чрезмѣрно высокую цѣну. Тогда казна сбавила и засчитала за крестьянами долгомъ шестьсотъ пятьдесятъ два милліона рублей, расчитавъ уплату на 49 лѣтъ. Кромѣ этого долга, крестьяне должны были еще уплачивать проценты на всю ту сумму, которую казна заняла, чтобы уплатить помѣщикамъ, считая по 5 процентовъ годовыхъ на рубль. За сорокъ лѣтъ, до 1903 года, бывшіе помѣщичьи крестьяне успѣли переплатить выкупныхъ почти полтора милліарда (1.457.000.000) рублей, да еще казнѣ оставались должными около четырехсотъ милліоновъ (400.000.000) рублей. Такимъ образомъ, крестьяне уже заплатили землю чуть не втрое дороже оцѣнки.

Удѣльныя земли были раньше казенными, а потомъ, по распоряженію царей разновременно были переданы удѣлу и доходы отъ нихъ пошли на содержаніе членовъ царской фамиліи. Къ удѣламъ уже разновременно приписывали и крестьянъ государственныхъ вмѣстѣ съ тѣми землями, которыми они пользовались. При освобожденіи крестьянъ удѣльное вѣдомство отвело имъ въ надѣлъ четыре съ половиною милліона десятинъ земли, но, какъ и помѣщики, оно не всю землю вернуло крестьянамъ, а лучшую оставило себѣ; всего у него осталось еще около 8 милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ только 2 милліона было имъ куплено, остальные же 6 милліоновъ десятинъ взяты въ казнѣ. За отведенную крестьянамъ въ надѣлъ землю удѣлъ наложилъ на нихъ также выкупъ въ размѣрѣ *трехъ милліоновъ семидесяти четырехъ тысячъ* (3.074.000) *рублей въ годъ.*

Платить удѣльные крестьяне эти деньги должны были также 49 лѣтъ и такъ же уплачивать процентъ, хотя тутъ не было даже и займа сдѣлано правительствомъ. Вся земля была оцѣнена первоначально въ 49 милліоновъ, но по 1903 годъ крестьяне уже уплатили за нее 132 милліона, да еще долгомъ за ними считается 18 милліоновъ. Крестьяне и тутъ уплатили втрое больше того, что требовалось по оцѣнкѣ, уплатили за свои же земли, которыхъ послѣ „воли“ у нихъ оставили меньше, чѣмъ ихъ было у нихъ ранѣе.

Въ томъ же родѣ исторія и съ государственными крестьянами. Крестьяне на государственныхъ земляхъ всегда были вольными, и никто не пахалъ ихъ земель, кромѣ нихъ самихъ, и только они одни на эти земли и имѣли право. Между тѣмъ ихъ также заставили выкупить надѣлы, которые имъ отвели въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ какимъ они пользовались ранѣе. Всего имъ было отведено шестьдесятъ девять съ половиною милліоновъ (69.500.000) десятинъ, и землю эту оцѣнили въ *девятьсотъ шестьдесятъ семь милліоновъ* (967.000.000) рублей. Всѣ эти деньги крестьяне должны были уплатить въ 44 года, начиная съ 1887 года. На каждый годъ приходилось по 22 милліона рублей, между тѣмъ крестьяне платятъ по 55 милліоновъ рублей въ годъ, то есть въ *два съ половиной раза* больше оцѣнки. Это происходитъ потому, что казна беретъ съ нихъ не только проценты, но и проценты на проценты, почему, если бы крестьянамъ пришлось платить всѣ 44 года, то они уплатили бы вмѣсто 967 милліоновъ рублей, что слѣдуетъ по оцѣнкѣ, 2¹/₃ милліарда рублей. До 1903 года государственные крестьяне уже успѣли уплатить казнѣ 751 милліонъ рублей, а къ 1905 году—834 милліона рублей.

Вотъ во что обошелся русскому народу тотъ надѣлъ земли, который его не можетъ даже и прокормить: по 1903 годъ всѣ разряды крестьянъ за него уплатили въ казну *два миллiарда триста сорокъ миллiоновъ* (2.340.000.000) рублей. Да, почти два съ половиной миллiарда за землю, которая не можетъ даже ихъ прокормить!

Но вѣдь крестьянамъ приходится платить не только одни выкупные за надѣлы платежи, имъ еще больше приходится уплачивать въ казну податей, земскихъ и мiрскихъ сборовъ и всякихъ другихъ налоговъ. Здѣсь нѣтъ надобности говорить подробно, сколько податей крестьяне платятъ, такъ какъ это знаетъ каждый крестьянинъ по собственному карману. Но нужно замѣтить вотъ что. Общая сумма всѣхъ окладныхъ казенныхъ податей для 50 губернiй Россiи была къ 1900 году, по разсчетамъ чиновниковъ, 101 миллiонъ, или на каждую надѣльную десятину приходилось казеннаго оклада 92 копѣйки. Недоимки по тѣмъ же губернiямъ и въ томъ же году было 118 миллiоновъ рублей. Другими словами, на каждый рубль казеннаго оклада недоимки состояло 1 рубль 17 копѣекъ. Значитъ, крестьянамъ приходится платить одного казеннаго оклада гораздо больше того, что уплатить они въ силахъ.

Крестьянинъ до того ослабѣлъ, до того разорился, что для него невозможно уже уплачивать даже одинъ только казенный окладъ. Неудивительно поэтому, что крестьянамъ „простили“ съ будущаго года выкупные платежи: они все равно не въ силахъ были бы ихъ уплатить. Кромѣ казенныхъ, есть еще земскiе окладные платежи, которыхъ на всѣ 50 губернiй приходится 23 миллiона, или на каждую десятину надѣла по 22

копѣйки. Недоимокъ по земскимъ платежамъ 14 милліоновъ рублей, это значитъ, что на каждый рубль земскаго оклада приходится недоимки 59 копѣекъ. Для крестьянъ, значитъ непосильно платить не только казенный окладъ, но даже и земскій. И это было пять лѣтъ назадъ, до войны, на которую ухлопали столько народныхъ денегъ. Какъ же велика недоимка теперь!

Но кромѣ казенныхъ и земскихъ, волостныхъ и общественныхъ, страховыхъ и церковныхъ и всякихъ другихъ платежей и сборовъ, о которыхъ знаетъ каждый деревенскій житель, крестьяне гораздо больше платятъ въ казну при покупкахъ въ лавкахъ всякихъ товаровъ, за которые казна беретъ налоги. Вотъ нѣсколько примѣровъ, за что и сколько приходится платить. За каждую сотку водки, стоющую 8 копѣекъ, въ казну идетъ акцизу 5 коп., съ фунта керосина—1½ коп., съ фунта крупки—9 коп., съ фунта сахара—4½ коп., съ пуда гвоздей 1 р. 40 коп. И такъ на всѣхъ товарахъ, на однихъ переплачиваютъ больше, на другихъ меньше.

Вотъ въ какомъ положеніи наши крестьяне. Та нищета, въ которой крестьянинъ находится и изъ которой ему нельзя выбраться, не случайная, она создана законами, которые писались не для крестьянскаго благополучія, а для выгоды помѣщиковъ. Нищета да горе крестьянское созданы въ то время, когда отпускали крестьянъ на „волю“ отъ помѣщиковъ, тогда же ихъ снова закрѣпили землевладѣльцамъ, только такъ, что, это не всякому сразу видно, не сразу всякій понять можетъ. И пока у крестьянина не будетъ больше земли, пока онъ будетъ платить помѣщику „голодныя“ аренды, а въ казну подати и налоги, которые свыше всякихъ

его силъ, до тѣхъ поръ народъ изъ нищеты не выйдетъ, какъ бы ни бился.

Поэтому первая и самая главная нужда крестьянъ состоитъ въ томъ, чтобы исправить, какъ можно скорѣе то, что было испорчено сорокъ пять лѣтъ назадъ, когда народъ выходилъ отъ помѣщиковъ на „волю". Нужно исправить ту несправедливость, которая была сдѣлана тогда и повторялась потомъ много разъ относительно крестьянина. Несправедливость эта состоитъ въ томъ, что крестьяне лишились земель, которыя они пахали раньше; что имъ были даны ничтожные надѣлы, которые не могутъ даже прокормить ихъ, и что за эти надѣлы съ нихъ же взяли выкупъ, который къ тому же былъ непомѣрно высокъ.

Сдѣлать это можно только однимъ способомъ: создать такой законъ, по которому вся земля принадлежала бы всему народу, чтобы она была ничьей, какъ она и должна быть по взглядамъ самихъ крестьянъ, также какъ воздухъ, свѣтъ Божій, чтобы ни покупать, ни продавать, ни сдавать другому въ аренду земли никто не могъ. Пользоваться же землей можетъ только тотъ, кто самъ обрабатываетъ ее. Никто не долженъ имѣть земли больше того, что онъ самъ можетъ обработать своими силами и силами своей семьи. Тогда не будетъ ни нищенскихъ надѣловъ, на которые „курицу некуда выпустить", ни „голодныхъ" арендъ, всякій будетъ работать столько, сколько можетъ, и всякій будетъ и сытъ, и одѣтъ.

А вторая нужда крестьянина состоитъ въ томъ, чтобы былъ заведенъ такой порядокъ, при которомъ не чиновники командовали бы нарадомъ, какъ имъ вздумается и какъ имъ выгоднѣе, а чтобы народъ

черезъ своихъ выборныхъ самъ назначалъ себѣ чиновниковъ, какіе ему нужны, которые дѣлали бы только то, что идетъ на пользу самому народу, то, чего желаетъ народъ, чтобы чиновники служили народу, а не онъ былъ бы на побѣгушкахъ у чиновниковъ. Всѣ законы должны быть устанавливаемы самимъ народомъ черезъ своихъ выборныхъ, которыхъ долженъ избирать весь народъ прямой и равной подачей голосовъ, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности. Никакихъ косвенныхъ налоговъ, окладныхъ сборовъ и прочее не должно быть: нужно установить для всѣхъ жителей государства одинъ налогъ—съ доходовъ, которые каждый получаетъ отъ своего промысла или занятія. Притомъ, если кто получаетъ дохода больше, то и платить долженъ съ него большій процентъ, а у кого доходъ такой, что ему только пропитаться хватитъ, съ того ничего брать не слѣдуетъ. Всякій расходъ народныхъ или казенныхъ денегъ чиновники могутъ дѣлать только съ согласія выборныхъ отъ народа, передъ которыми чиновники и отсчитываются. Безъ согласія народныхъ выборныхъ ни одна копѣйка не должна быть истрачена изъ народныхъ денегъ. Всѣ чиновники, начиная отъ министра, за нарушеніе законовъ, установленныхъ въ государствѣ, должны предаваться суду, который для всѣхъ долженъ быть равнымъ. Вообще должно быть такъ, чтобы народъ могъ устраивать свою жизнь, какъ самъ хочетъ и какъ ему нужно, а не какъ хотятъ того чиновники. Это называется свободой.

Короче говоря, крестьянину прежде всего необходима земля, которую онъ могъ бы обрабатывать, сколько ему нужно, и воля, которая ему необходима, чтобы устроить всю жизнь народную по хорошему и справедливому,

чтобы всѣ были сыты, никто бы никого не могъ обижать и притѣснять, во всемъ бы былъ порядокъ.

Вотъ что нужно крестьянину прежде всего.

Чиновники ему такихъ законовъ дать не могутъ, потому что для нихъ это не выгодно; не дастъ ихъ и нынѣшняя Государственная Дума, которая ничего не можетъ сдѣлать, чего не захотятъ чиновники, что будутъ засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ. Такой порядокъ можетъ установить только Учредительное Собраніе, созванное отъ всего народа на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности. Только такое собраніе, избранное свободно, безъ вмѣшательства губернаторовъ, земскихъ начальниковъ и полиціи, какъ это дѣлалось при выборахъ въ Государственную Думу, будетъ выражать собою волю всего народа, и рѣшеніе его должно быть поэтому свято для всѣхъ и каждаго.

Редакторъ
В. Г. Харитоновъ.

Издатель **А. Веретенниковъ.**
(книгоиздательство „СѢВЕРЪ“).

Типо-Литографія С. М. Муллеръ, В. О., 9 лин., д. 18.

СКЛАДЫ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ

НАРОДНАЯ БѢСѢДА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1) Коломенская, 32, кв. 4.
2) Невскій 40—42 книжный складъ, Школьное и Библіотечное Дѣло.
3) Самсоньевскій 19. Самсоньевское отдѣленіе книжнаго склада Школьное и Библіотечное Дѣло.
4) Невскій, 60. магазинъ „Трудъ“.

ВЪ МОСКВѢ. 1) Арбатъ, Большой Николо-Песковскій переулокъ, д. 17 кв. 4. у А. Г. Лапицкаго.

Содержаніе вышедшихъ номеровъ:

№ 1. **П. Голубевъ.** Правда о казенныхъ и земскихъ сборахъ. Ц. 3 к.
№ 2. **П. Голубевъ.** Какъ собираются у насъ подати. Ц. 5 к.
№ 3. **С. П. М—инъ.** Дѣло М. А. Спиридоновой. Ц. 15 к.

Адресъ редакціи: Съѣзжинская, 32, кв. 25. 20 Мая, 1906.

Типо-Литографія С. М. Муллеръ, В. О., 9 лин., д. 18.

